

Э. М. Спирова

(Учреждение Российской академии наук Институт философии РАН)

ТОЛКОВАНИЕ СИМВОЛА

На первый взгляд, представление о символах может показаться весьма запутанным, но исследования А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского, М. Элиаде, С.С. Аверинцева и многих других, работавших в данной области, позволили выявить некую «логику символов». Интересно, что и сам этот термин «логика символов» встречается у М. Элиаде, а у А.Ф. Аверинцева даже есть отдельная статья под таким названием.

Чаще всего под символом имеют в виду знаки, имеющие природу, или – несколько шире – визуально воспринимаемые знаки. Но символы как знаки могут иметь различную материальную природу. Известен символический язык жестов, в частности, «язык тела» в танце, в Индии широкое распространение получил «язык рук» – «мудры». Во всех культурах встречаются графические символы, скажем, мандалы есть изображения сакральной вселенной, полумесяц – ислама и т.д. Символом может быть вещь, человек, цвет, аромат, движение, архитектурные формы и многое другое. Приведу два примера такого рода.

«Первым жестом Будды под Деревом Просветления было касание земли..., призывание земли в свидетели. Земля означает совокупность всего прошлого, которое старо, как мир, в котором он выполнял бесчисленные акты отречения, давшие ему право на его нынешнее положение и позволившее ему достичь просветления... Таким образом, прикосновение к земле есть распознавание нашего прошлого в зеркале нашего нынешнего сознания, и чем тверже мы опираемся на эту «землю», тем лучше мы сможем отразить свет «небес» – универсальность ума.

Ладонь руки, касающейся земли, повернута внутрь и поэтому находится в связи с нашим внутренним центром. Ладонь, повернутая наружу, устанавливает коммуникацию с другими» [Говинда, 1993: 56].

А вот что пишет Е. Трубецкой о символизме церковных куполов: «Византийский купол над храмом изображает собою свод небесный, покрывший землю. Напротив, готический шпиг выражает собою неудержимое стремление ввысь, подъемлющее от земли к небу каменные громады. И, наконец, наша отечественная «луковица» воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной шар становится причастным потустороннему богатству. Это завершение русского храма – как бы огненный язык, увенчанный крестом и к кресту заостряющийся. При взгляде на наш Московский Иван-Великий кажется, что мы имеем перед собой как бы гигантскую свечу, горящую к небу над Москвою; а вот многоглавые кремлевские соборы и многоглавые церкви суть как бы огромные многосвещники» [Трубецкой, 1993: 19].

Ч. Пирс, давая свое определение символа, опирается только на второе значение древнегреческого термина. Сам образ симболон и способ его создания дал возможность еще одного толкования символа, чрезвычайно важного для понимания мистического мышления: симболон – это часть целого, а иногда даже это часть целого, и потому символ есть напоминание об утраченном единстве, а иногда даже это часть, сохраняющая мистическую связь с целым и/или другими частями целого. (В древнегреческом языке прослеживается связь термина «симболон» с глаголом, значением которого является «соединять», «сталкивать», «сравнивать»).

В чем позитивный момент огромного интереса к символам? Он в том, что мы переживаем процесс, в ходе которого вновь обнаруживается чрезвычайно важная вещь: существуют совершенно отличные друг от друга уровни реальности. Они требуют разного подхода и разных языков. Не все в реальности может быть постигнуто с помощью языка, уместного в точных науках. Понимание этой ситуации – позитивная сторона того обстоятельства, что проблема символов вновь рассматривается сегодня серьезно.

Символы подобны знакам в одном, решающем отношении: и символы, и знаки указывают на нечто, лежащее вне их самих. Примером типичного знака

может служить красный свет светофора на углу улицы. Он указывает не на себя, а на предупреждение, что машинам следует остановиться. И каждый символ тоже указывает на нечто, лежащее за его пределами – на реальность, которую он представляет. В этом символ и знак сущностно тождественны: они указывают за свои пределы. Но именно в этом и кроется причина, которая рождает путаницу в словоупотреблении. Прежде всего следует прояснить смысл символа и таким образом отделить его от знака.

Фундаментальное различие между ними заключается в том, что знаки никоим образом не участвуют в реальности и силе того, на что они указывают. Символы, хотя и отличны от того, что символизируют, участвуют в его смысле и силе. Различие между символом и знаком – это различие между участием в символизируемой реальности. Это характерно для символа. В случае же неучастия в реальности, на которую указывается, мы имеем дело со знаком. Например, буквы алфавита А или Т не участвуют в звуке, на который они указывают. Напротив того, флаг участвует в силе и власти короля или страны, которые он представляет и символизирует. По этой причине со времен Вильгельма Телля ведутся споры о том, как следует вести себя в присутствии флага, что было бы бессмысленно, если бы флаг не участвовал как символ во власти того, что он символизирует. Сама идея монархии совершенно непостижима без понимания того, что король всегда есть и то, и другое: с одной стороны, символ власти определенной группы людей, а с другой стороны, он тот, кто осуществляет частично (и никогда, разумеется, полностью) эту власть.

Но случилось нечто, опасное для всех наших попыток создать центр, в котором собираются понятия символов и знаков. Математики использовали термин «символ», называя так математический знак, так что теперь путаница стала непреодолимой. Единственное, что мы можем сделать, – это выделить две разные группы знаков: знаки, которые называются символами, и подлинные символы. Математические знаки – это знаки, которые именуется символами.

Язык – очень хороший пример различия между знаками и символами. Слово в языке – это знаки смысла, который они выражают. Слово «стол» – знак, указывающий на нечто совершенное отличное от самого этого знака: на предмет, на котором лежит бумага, и на который мы можем смотреть. Это не имеет ничего общего со словом «стол», состоящим из четырех букв. Но в каждом языке есть слова, которые суть нечто большее, чем просто знаки. И в тот момент, когда они получают коннотацию, дополнительное значение, выходящее за пределы того, на что указывают как знаки, они становятся символами. И это очень важно для всякого говорящего. Человек может говорить, используя фактически одни только знаки, сводя смысл своих слов исключительно к математическим знакам: таков абсолютный идеал логического позитивиста. Другой полюс – литургический или поэтический язык, слова которого имеют власть над людьми на протяжении многих столетий. Они обладают коннотациями в тех ситуациях, где имеют место, поэтому их невозможно ничем заменить. Они становятся не только знаками, указывающими на смысл того, что они определяют, но также и символами реальности, в силе которой они участвуют.

Теперь о функциях символов. Первая их функция заключается в том, что они выполняют репрезентативную роль. Символ представляет нечто, что не есть он сам, но в силе и смысле чего он участвует. Это основополагающая функция каждого символа, и потому, если бы это не использовалось так многообразно, можно было бы даже перевести «символическое» как «репрезентативное», но по некоторым причинам это невозможно. Если символы представляют нечто, что не есть они сами, тогда возникает вопрос: «Почему мы не имеем дело непосредственно с тем, на что они указывают? Зачем вообще нужны символы?» И тут мы подходим к тому, что, возможно, составляет главную функцию символа, – к раскрытию тех уровней реальности, которые скрыты и не могут быть поняты иным образом.

Каждый символ раскрывает уровень реальности, для которого несимволический язык не подходит. Можно объяснить это на примере

художественных символов. Чем больше мы пытаемся проникнуть в смысл символов, тем очевиднее функция искусства – раскрывать уровни реальности. Поэзия, изобразительное искусство и музыка обозначают уровни реальности, которые не могут быть раскрыты каким-либо иным способом. Поэтому, если функция искусства такова, то, несомненно, художественные творения имеют символический характер.

Возьмём, к примеру, то, что мы воспринимаем через пейзаж Рубенса. Невозможно получить этот опыт иначе, чем через картину, написанную великим художником. Этот пейзаж в определенном смысле имеет героический характер: характер равновесия, цветов, форм и так далее. Все это сугубо внешнее. Но то, что передает нам пейзаж, не может быть выражено никаким иным способом, кроме самой картины. То же относится к поэзии и философии. Иногда возникает соблазн все испортить, желание привнести в стихотворение слишком много философского содержания. Но этого никак нельзя делать. Тут в самом деле существует проблема. Использование философского или научного языка не передает того, что передает подлинно поэтический язык без примеси какого-либо иного.

Но этот пример проясняет, что означают слова «раскрытие уровней реальности». Однако чтобы совершить это раскрытие, нужно выявить еще нечто: уровни души, уровни нашей внутренней реальности, которые раскрываются посредством символа. Таким образом, каждый символ имеет двойную направленность: он обозначает реальность и раскрывает душу. Существуют, конечно, люди, души которых не могут быть раскрыты музыкой или поэзией, а еще большая часть (особенно в протестантской Америке) не может быть раскрыта никаким вообще изобразительным искусством. «Раскрывание» – двоякая функция, так как на более глубоких уровнях выявляется реальность и на особых уровнях – человеческая душа.

Если в этом состоит функция символов, то очевидно, что одни символы нельзя заменить другими, ибо каждый из них имеет особую функцию, которая такова, как она есть и соответствует именно данному символу. В этом отличие

символов от знаков, ведь одни знаки всегда могут быть заменены другими. Если кто-нибудь сочтет, что зеленый свет не столь подходит для светофора, как синий (это неверно, но могло быть так), то мы просто заменим зеленый свет синим и ничего не изменится. Но символическое слово (например, «Бог») нельзя заменить. Никакой символ не может быть заменен, если он используется в своей особой функции. Поэтому вполне обоснован вопрос: «Как возникают символы и как они умирают?» Ведь в отличие от знаков символы рождаются и умирают. А знаки люди сознательно вводят в обиход и отменяют. Таково следующее фундаментальное различие между ними.

Какое лоно рождает на свет символы? То, что Юнг называет «коллективным бессознательным», или «групповым бессознательным», или как угодно еще, – та группа, которая признает собственное бытие в этом предмете, в этом слове, в этом флаге или в чем-то еще. Ни один символ не изобретается намеренно. Если же и бывает так, что его пытаются изобрести, то он может стать символом лишь при условии, что бессознательное определенной группы его одобрит. Это означает, что через него нечто раскрылось в том смысле, который только что описан. Но это подразумевает также, что в момент, когда прекращает свое существование определенная внутренняя ситуация той группы, которая связывает свое бытие с этим символом, символ умирает. Он больше ничего не «говорит». Таким образом умерли все боги политеизма: ситуация, в которой они родились, либо изменилась, либо перестала существовать, и поэтому символы умерли. Но подобные события не могут быть описаны в категориях намерения и придумывания.

Религиозные символы действуют так же, как и прочие. Они раскрывают уровень реальности, который не обозначается никаким иным путем. Можно назвать это глубинным измерением самой реальности, которое служит основанием всякого другого измерения и всякой иной глубины и которое поэтому представляет собой не просто еще один уровень наряду с другими, но есть основополагающий уровень, лежащий глубже всех остальных, уровень самого бытия, или предельной силы бытия. Религиозные символы раскрывают

опыт измерения глубины в человеческой душе. Если религиозный символ перестает выполнять эту функцию, то он умирает. И если рождаются новые символы, они возникают в силу того, что изменились отношения с предельным основанием бытия, то есть со Священным.

Измерение предельной реальности есть измерение Священного. Поэтому можно сказать, что религиозные символы – это символы Священного. В этом качестве они участвуют в святости Священного в соответствии с главным определением символа. Но участие не есть тождество. Сами символы обозначают не то, что можно назвать Священным. Абсолютно трансцендентное трансцендирует всякий символ Священного. Религиозные символы возникают из безграничного материала, который дает нам познаваемая из опыта реальность.

Все происходившее во времени и пространстве становилось в какой-то момент истории религии символом Священного. И это естественно, так как все, с чем мы встречаемся в мире, зиждется на предельном основании бытия. Это ключ к чрезвычайно запутанной истории религии. Те, кто всматривался в кажущийся хаос истории религии, во все периоды истории, начиная с древних времен и вплоть до современного этапа, вероятно, были бы крайне смущены хаотическим характером этого процесса. Но с помощью сравнительно простого ключа этот хаос можно привести в порядок. Дело в том, что все в реальности может выразить себя в качестве символа особого отношения человеческого разума к его собственному предельному основанию и смыслу.

Поэтому, чтобы открыть эту, казалось бы, закрытую дверь в хаос религиозных символов, надо просто ответить на вопрос: «Каково отношение к предельному выражается в этих символах?». И тогда символы перестанут быть бессмысленными и окажутся, напротив, в высшей степени проясняющими смысл созданиями человеческого разума, в высшей степени подлинными, могущественными, управляющими человеческим сознанием (и, возможно, еще больше – подсознанием). Вероятно, поэтому они обладают той колоссальной

живучестью, которая характеризует все религиозные символы в истории религии.

Религия, как и все в жизни, подчиняется закону двусмысленности, где «двусмысленность» означает, что все имеет одновременно и разрушительный, и созидательный характер. Религия обладает как святостью так и несвятостью. Это очевидно потому, что в качестве символов они участвуют в том, на что указывают. Они всегда обнаруживают тенденцию, разумеется, в человеческом сознании, подменять собой все, на что они должны только указывать, и становиться в себе предельными. И в этот момент они делаются идолами. Все идолопоклонство есть просто абсолютизация символов Священного, отождествление их с самим Священным. Таким образом, например, священные ипостаси могут превратиться в богов. Ритуальные действия могут приобрести безусловную значимость, хотя они всего лишь выражают конкретную ситуацию.

Во всех сакраментальных действиях религии, во всех священных предметах, священных книгах, священных учениях, священных ритуалах можно обнаружить опасность, которую можно назвать демонизацией. Они становятся демоническими в тот момент, когда возвышаются на уровень безусловного и предельного характера самого Священного.

Для всех религиозных символов существуют два основополагающих уровня: трансцендентный уровень, находящийся за пределами эмпирической реальности, с которой мы встречаемся, и имманентный уровень, который мы обнаруживаем в пределах встречи с реальностью. Рассмотрим сначала трансцендентный уровень. Главным символом трансцендентного уровня должен был бы быть Сам Бог. Но мы не можем просто сказать, что Бог – это символ. Мы всегда должны знать о Нем две вещи: во-первых, что в нашем образе Бога существует несимволический элемент, то есть Он для нас – предельная реальность, самобытие, основание бытия, сила бытия. Во-вторых, что Он – высшее бытие, в котором в наиболее совершенном виде существует все, что мы имеем. Говоря это, мы представляем себе высшее бытие,

обладающее характеристиками высшего совершенства. Это означает, что у нас есть символ того, что является не символическим в идее Бога, то есть «Самого-Бытия».

Важно различать эти два элемента в идее Бога. Таким образом, всех дискуссий по поводу того, является Бог личностью или нет, подобен ли Он другим бытиям или нет, всех дискуссий, значительно способствовавших разрушению религиозного опыта из-за его ложной интерпретации, можно было бы избежать, если бы мы сказали: «Конечно, осознание чего-то безусловного есть то, что оно есть само по себе, и оно не символично». Мы можем назвать его «Самим-Бытием», *esse qua esse, esse ipsum*, как это делали схоласты. Но в своем отношении к этому предельному мы создаем и должны создавать символы. Мы не могли бы общаться с Богом, будь Он просто «предельным бытием». Но в своем отношении к Нему мы встречаем Его своим высшим – личностью.

И поэтому, в символической форме говоря о Нем, мы одновременно имеем то, что бесконечно трансцендирует наш опыт самих себя как личностей, и то, что настолько соответствует нашему бытию как личностей, что мы можем сказать Богу «Ты» и обратиться к Нему с молитвой. И должны сохраняться оба эти элемента. Если мы сохраняем лишь элемент безусловного, то никакое отношение к Богу невозможно. Если же мы сохраняем лишь элемент отношения «Я – Ты», как его сейчас называют, то утратим элемент божественного, то есть безусловного, который трансцендирует субъект и объект, и все другие оппозиции. Это первый элемент трансцендентного уровня.

Второй элемент – это качества, атрибуты Бога, все то, что мы о Нем говорим: что Он – любовь, милосердие, сила; что Он всеведущ, вездесущ, всемогущ. Эти атрибуты Бога заимствованы из тех известных нам качеств, которые присущи нам самим. Их нельзя приписать Богу в буквальном смысле. Если так происходит, это приводит к бесчисленным нелепостям. Это одна из причин разрушения религии в результате неправильного понимания её языка. И

необходимо постоянно подчеркивать символический характер этих качеств. Иначе всякий разговор о божественном становится абсурдным.

Третий элемент трансцендентного уровня связан с действиями Бога, о которых мы говорим, например: «Он создал мир», «Он послал Своего сына», «Он исполнит слово». В этих временных, каузальных и других фразах мы говорим о Боге символически. В качестве примера рассмотрим одно короткое предложение: «Бог послал Своего сына». Здесь словом «послал» мы передаем временную характеристику. Но Бог – вне пределов нашего времени, хотя и нельзя сказать, что Он за границами всякого времени. Здесь есть и указание на пространство: «посылать кого-либо» означает перемещать его с одного места на другое. Это, безусловно, символическое выражение, хотя пространственность присутствует в Боге как элемент Его созидательного основания.

Когда мы говорим: «Он послал», то подразумеваем, что Он нечто каузировал. При этом Бог становится субъектом каузальности. Говоря о Нем и о Его сыне, мы подразумеваем две разные субстанции и применяем к Нему категорию субстанции. Если же понимать все это буквально, то возникает абсурд. И если принимать это высказывание символически, тогда оно – глубокое, предельное выражение отношений между Богом и человеком в христианском опыте.

Но различать эти два способа говорить – несимволический и символический – в данном пункте настолько важно, что, если мы не сможем дать понять нашим современникам, что мы выражаемся символически, когда употребляем такой язык, они с полным основанием отвернутся от нас как от людей, всё ещё живущих во власти нелепостей и суеверий.

Библиография:

Говинда, Лама Анагарика (1993). Психология раннего буддизма: основы тибетского мистицизма. СПб.

Трубецкой, Е. (1993) Умозрения в красках // Философия русского религиозного искусства. XVI-XX вв. Антология. М. С. 19.